

МУЖСКАЯ ЖИЗНЬ

ЕВГЕНИЙ
ШИШКИН

Евгений Васильевич Шишкин

Мужская жизнь

Серия «Миссия выполняема»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37388858
Мужская жизнь / Шишкин Е.В.: Вече; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-7554-2*

Аннотация

Главный герой романа Валентин Бурков – мужчина настоящий... Деловой, решительный, любвеобильный. Ему по плечу всё: и бизнес, и борьба с конкурентами, и отпор негодяям, которые «подсаживают» молодежь на наркоту. За него мечтают выйти замуж молодые женщины и зрелые дамы. Но именно женские чары ломают благополучную судьбу Валентина и поворачивают его жизнь вспять...

В трагические майские дни 2014 года Валентин оказывается в горящем здании Дома профсоюзов в Одессе, а потом выбирает ещё одно испытание – Донбасс...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	42
Глава 7	52
Глава 8	63
Глава 9	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Евгений Шишкин

Мужская жизнь

Глава 1

На свидание с Полиной я опаздывал уже на полчаса, но свою мощную «пятёрку» БМВ не гнал, ехал в потоке за стареньким автобусом. А мобильный телефон настроил «вне зоны доступа». Я не собирался досадить Полине, которая сейчас ждала меня к обеду, – готовила она, кстати, мастерски, – но хотел дать понять, что наш роман заканчивается, что встречаемся с ней в последний, ну, может, не в последний, но последние разы; необязательность, опоздания, отсутствие цветов и подарков в руках – это знаки той самой близкой разлуки, которую я наметил на нынешнюю весну.

Хотелось бы порвать немедленно – сегодня же! – в тёплый апрельский день, как раз перед отпуском, который я не собирался проводить с Полиной, но по опыту я знал: не со всеми – ох! не со всеми! – женщинами можно порвать враз, в один день, иногда лучше, менее болезненно, затянуть бодягу на несколько недель-месяцев, чтобы постепенно рассосалось...

Я и женщинам, с которыми встречался, объяснял, даже учил их: нельзя, не резон бросать мужчину резко, в одночасье уходить от мужа, или сожителя, или любовника. Конечно,

но, не всякий мужчина, но большинство очень привязываются к женщине и страдают смертельно, потеряв спутницу, а если ещё она ушла в открытую к другому, впадают в безумство ревности, в пьянство, деградируют. «Если ты, голуба, надумала со своим мужиком порвать, – наставлял я своих подруг, потрясывая перед ними указательным пальцем, как перед ученицами, – сделай это плавно, пластично: раз-другой не явись на свидание, опоздай, отъедь куда-нибудь на месяцок, найди сотню причин, чтобы не спать с ним, прикинься больной... И так постепенно создай в мозгах мужчины фундамент, на который он и сам сможет положить стену отчуждения... (Я строитель, поэтому термины “фундамент”, “стена” для меня привычные.) А рубить одним телефонным звонком: “Всё, больше никогда не приходи!” – это не дело, это конфликт, слёзы, ругань, оскорбления...»

От Полины я тоже не хотел слёз, ругани, оскорблений. По большому счёту, мы не так уж плохо провели вместе больше года. Ну а дальше и глубже, пожалуй, не стоит. «Не она первая, не она последняя», – шепнул я себе тихо, по секрету. Но тут же осёкся, поглядел в зеркало заднего вида. Седина на висках и уже по всей голове. А седина не красит. Может быть, облагораживает, но не красит. Мне уже сорок пять. Эта дата казалась рубежной, коварной. За ней начинается старость. Сперва прямиком к полтиннику, а там – к пенсии. И... финиш. Дембель.

Не так давно я пришёл в кассу покупать билет на само-

лёт, кассирша предупредила: паспорт срочно меняйте, скоро недействителен будет. А в паспортном столе обыкновенно-недовольная тётка в окошке с обыденным цинизмом сказала:

– Надо сфотографироваться. Выдадим последний паспорт.

– Почему последний?

– После сорока пяти... последний.

Этот «последний» паспорт слегка перевернул мир. Жизнь будто покатилась вниз. «Последний»... Значит, всё последнее. А у меня к старости нет семьи, нет любимой женщины. «А Полина? – словно бы дразня себя, спросил я. – Полина уже не считается».

Город наш Гурьянск – провинциальный, большой районный центр, жителей до сотни тысяч, но все друг друга знают и всё про всех знают. Полина овдовела года три назад. Мне она рассказывала, что её муж в последнее время часто болел, но продолжал употреблять горькую. Умер в постели «после запоя». Другие «добрые» люди донесли мне подробности смерти Полининого мужа: со слов её «лучшей» подруги, которая была у неё в тот день в гостях, муж якобы просил Полину сходить в магазин и купить ему «чекушку». Она не пошла. По телевизору шёл новый сериал, который она не хотела пропускать. Так и умер её суженый, не дождавшись похмельного стакана. Возможно, жил бы, если бы не телесериал... Сколько правды было в этой истории, я определить не

возьмусь, но то, что Полина ради дурацких сериалов готова плюнуть на всё, – это на неё очень похоже. А если я так же, как её горемыка муж, буду лежать в постели и просить рюмку коньяку, а по телевизору пойдёт сериал, её любимый, а у неё каждый второй – любимый, что будет тогда? Из-за каких-то дурёх в телящике оставить без участия родного человека – что-то тут в женщине есть леденящее, бесчувственное. Мне теперь хотелось именно это подмечать в Полине...

Слева на большой скорости меня и весь поток автомобилей обогнал по встречке жёлтый раздрызганный «жигулёнок» с затемнёнными стёклами. Пробки, цепи машин, движущихся черепашьям шагом, и для нашего Гурьянска стали обыденными. То ли я, то ли мой стальной конь не выдержали и помчались вслед за «жигулёнком», чтобы обойти затор. Я ехал близко к «жигулёнку», прикидывал, куда можно будет пристроиться, если на встречке появится лобовая машина. Кто сидит в «жигулёнке» за рулём, не было видно за тёмными стеклами, но, видать, кто-то отчаянный. Сейчас на таких развалюхах ездят бомбилы, шабашат таксистами какие-нибудь молдаване, узбеки... Вскоре я обошёл и попутный поток, и обогнал «жигулёнок» – косо глянул на остающуюся по борту машину. И вдруг увидел за рулём сына.

– Э! Э-э! Толик! Стой! – замахал я рукой, слегка прижимая «жигулёнок» к обочине. – Стой! Стой, тебе говорят!

Я выскочил из машины, подбежал к «жигулёнку», рванул дверь:

– Откуда у тебя эта рухлядь? У тебя же нет прав?! Куда ты гонишь?!

Толик смотрел на меня непонимающим взглядом, словно не узнавал меня. Сейчас он мне показался каким-то неадекватным, «сам в себе».

– Чья это машина? – допытывался я.

– Так... – наконец увертливо заговорил сын. – Взял показаться... Так, это приятеля... Макса. Ничего, пап. Гаишников нет. А мне вождению учиться надо...

– Где твой Макс? Куда доставить машину?

– Да я сам доеду. Чего ты? Тут рядом... Не бойся ты за меня... – Он почему-то рассмеялся.

– Вылазь! Доставлю эту рухлядь твоему Максу. А ты больше не смей!

Толик уступил мне водительское место, перебрался на пассажирское, пререкаться со мной не стал, почувствовал мою взбешённость. Всю дорогу, на которую ушло четверть часа, я ругал сына, песочил:

– Ты получи права! Отучись, как положено, в автошколе... Я тебя туда уже дважды отводил, а ты... Неделю посидишь и всё!

– Права и так делают, – вяло отвечал Толик. – Покупают...

– На какие шиши? Я тебя отмазал от армии. Я тебя запихнул в институт. Так хоть теперь-то ты...

Мы приехали на стоянку, которую указал Толик.

– Звони своему Максусу! При мне!

Толик нехотя достал мобильный телефон, и как только сказал: «Алё! Макс!» – я вырвал у него трубку:

– Макс! С тобой говорит отец Толика, Валентин Андреевич Бурков! Забери свою машину! Она будет на стоянке у института. Больше никогда не давай Толику! У него нет прав!

В ответ прозвучало что-то вроде удивлённой хмыкающей усмешки, потом брезгливое, ощетинившееся:

– Это не моя машина, дядя!

Затем послышался чей-то смех. Видно, поблизости от Макса был ещё кто-то, и этот кто-то говорил с южным акцентом.

– Ладно, ладно, – говорил этот кто-то, – пускай пешком ходит...

– Ну, если это не твоя машина, ключи будут у меня! Кто вспомнит, чья это машина, пусть звонит мне! – сказал я и оборвал разговор с Максом.

– Да чего ты, пап? – вмешался Толик. – Всё нормально.

– Я куплю тебе тачку, хорошую! Только отучись в автошколе, получи права! – выкрикнул я сыну в лицо. – Честно получи!

Толик стоял предо мной понурый и, казалось, обиженный, но в глазах у него было что-то чужое, он как будто на время выключался из жизни, а когда включался обратно, напарывался на какой-то дискомфорт и опасность.

– До дома дойдёшь пешком. Тут недалеко, – сказал я при-

мирительно.

– А как ты до своей машины доберёшься?

– Доберусь как-нибудь...

– Пап, верни ключи. Мне надо. Позарез. Я тебя подвезу и отдам машину. Правда... Никто тут меня не остановит, – стал было канючить Толик.

– Нет! – отрезал я.

Глава 2

Это было несколько лет назад. Ещё была жива мать, и я ехал к ней в родной посёлок. Летом трасса почти пустая – две полосы, разделённых прерывистой линией. Нормальная, не скользкая, не шибко битая. Впереди поворот. Прерывистая перешла в сплошную. Я только подумал, вернее, успел подумать, что надо бы сбросить скорость, но нога по-прежнему давила на газ. Впишусь, трасса сухая, и затормозить всегда успею перед попутной машиной. Но попутной не было, а на встречку вылетел бортовой «КамАЗ». Он не вписывался в поворот, а возможно, и не хотел вписываться, не видя моей машины за зарослями деревьев. Он увидел меня уже поздно, и уйти вправо не мог, уже не мог!

Когда завизжали тормоза «КамАЗа», когда завизжали тормоза моей машины, летевшей лоб в лоб тяжеловесу, который превратит мою машину в лепёшку, вся жизнь промелькнула разом. Нет, не как на киноплёнке, а разом, одним кадром, будто она на одной большой картине, на каком-то полотне, и на нём всё видать: и детство, и школьные годы, и студенческую жизнь, и работу, и быт, и семью, а последней мгновенной мыслью было сожаление: мать-то меня не дожждётся, а она ведь ждёт.

Удара не было. Моя машина, словно бы понимая, что её больше не будет, заупиралась, встала на дыбы, замерла, вце-

пившись колодками в диски, а шинами в асфальт. Этот случай запомнился мне навсегда. Даже не угрозой, перед которой я находился, а теми возможностями мозга, когда враз открывается вся твоя жизнь, и кажется она, эта твоя жизнь, изображённая на одном полотне, какой-то нелепой, пустой, сероватой. Ради чего живёшь?!

– Прости, братан! – выкрикнул мне водила «КамАЗа», косматый худой, остроносый мужик, не желторотый пацан, а по всему виду, опытный водила. – Бес попутал, спешу очень.

Я ему ничего не сказал. Я не мог говорить. Даже обматерить не смог. В горле – сушь.

Ещё раз жизнь моя пролетела одним кадром перед глазами, когда я отмазывал Толика от армии. Пару лет назад в Гурьянск назначили нового военкома, и он стал шерстить призывников. Сказал сыну строго:

– Бурков, пойдёшь служить! Отсрочка кончилась... В институт потом поступишь.

Тогда-то и попутал меня бес, не без помощи моей бывшей жены Анны и самого сына. Ведь Толик неглупый парень. Надо дать ему шанс поступить в институт, с первого раза не получилось: не хватило «ЕГЭшных» баллов. Но военкомат этот шанс ему не давал. Анна капала на мозги: «Чего там творится, в этой армии? Ты служил ещё в советской армии... А теперь?» Это *теперь* не разъяснялось, оно вроде бы и так

всем было понятно...

– Лев Дмитрич, чего делать? – я позвонил приятелю, психиатру.

– Бери бутылку коньяку и приезжай с сыном с утречка ко мне... Врачи из военкомовской медкомиссии рисковать не хотят. Военком-то новый, не обтёрся ещё у нас... Что-нибудь придумаем. Больничку организуем.

История Льва Дмитрича была оригинальна и в то же время незамысловата. Он лечил в своей психушке алкашей, хроников, тех, кто попадал в лапы «белочки» – так на жаргоне называлась «белая горячка», – и попутно психопатов, шизофреников, невралгических страдалец и страдальцев, лечил честно, насколько хватало ума и таланта, но сам при этом шибко злоупотреблял... Пил всё: спирт, вино, водку, коньяк, если не было изысканных напитков, не брезговал настойкой боярышника и пиона, а закусить любил витаминками, жёлтенькими кисловатыми горошками – горстью кидал их в рот.

Крепкий организм доктора долго терпел над собой такие процедуры, но с возрастом стал пробуксовывать, стал Лев Дмитрич впадать в запой, и «белочка», неумолимая «белочка», которую он гнал от своих пациентов, стала сама заглядывать к нему в гости. Далеко ходить не надо было: излечивался от белой горячки психиатр здесь же, этажом ниже своего кабинета, лежал в палате с алкашами и выводил сам себя на чистую воду. В последние годы он пил реже, организм не позволял, но отчаянный нрав отменить в докторе было

нельзя.

В тот незабываемый день мы пришли к нему с Толиком в кабинет «с утречка», как договорились. С крупной красноватой лысиной, приплюснутым носом и маленькими глазами, с увесистым подбородком, некачественно обритым, в белом халате с засученными рукавами, Лев Дмитрич больше напоминал банщика, чем доктора. Был он толст и непоседлив; при удовольствии имел привычку шумно потирать руки, а при неудовольствии тихо почёсывал то одну, то другую тыльную часть кисти. На стуле он сидел с непостоянством, часто ёрзал, словно быстро отсидживал ягодицы или что-то там, на сидалище, покалывало.

– Ну чего, захватили? – воскликнул Лев Дмитрич.

Я с опаской достал из пакета бутылку коньяку.

– Вот и отличненько! – возликовал психиатр и потёр руки. – Сейчас немножко вмажем и всё обустроим. – Лев Дмитрич закрыл кабинет на ключ.

Он выпил полстакана коньяку, бросил в рот горстку жёлтеньких витаминчиков, вновь радостно потёр руки, оглядел Толика, который сидел на кушетке, бледный, настороженный, и сказал, не мешкая:

– Не бойсь, парень! Сейчас я сделаю тебе укольчик. Сотрясение мозга подстроим – ни одна комиссия не придерётся. Полежишь в больничке, книжки считаешь. – Лев Дмитрич поёрзал на стуле; взгляд маленьких весёлых глаз метался с меня на Толика. – Идите сюда! – Он вскочил, подошёл

к окну, мы с сыном за ним. — Запоминайте! Сейчас я всажу укольчик, и вы отсюда быстренько свалите. Действие лекарства начнётся минут через десять. За это время вы дойдёте до автобусной остановки. Вон, видите?

— Видим, — ответил я.

Это была пустынная автобусная остановка под сквозным павильоном. С одной стороны к ней подбирался пустырь, с другой — старенькие двухэтажки. Остановка была безлюдна, маршрутка здесь курсировала изредка, казалось, на неё мало кто надеялся.

— Когда туда доберётесь, ты, — Лев Дмитрич нацелил свой толстый указательный палец на Толика, — упадёшь... Валя, не пропусти момент, чтобы он в самом деле не ударился головой... Тебя начнёт тошнить, возможно, что сознание слегка потеряешь, общая слабость... А ты, Валя, тут же вызываешь «скорую». Говоришь: сын упал головой о бордюр, поскользнулся, его тошнит, сознание потерял. Срочно! Остановка: «4-й квартал»! Чтоб они не плутали. Приедут быстро, дорога сюда свободна...

Мы с Толиком переглянулись. Мы с ним даже мысленно, казалось, переговорили. Может, не затевать это медицинское жульничество, а честно отслужить? Но и под армейскую лямку, я так понял, Толику не хотелось.

— Лучше на моей машине его до больницы довезти.

— Нет, лучше пусть они вас с улицы возьмут. Так будет лучше! Машину пока свою оставь. — Лев Дмитрич потёр свои

руки. – Ну чего, ещё пятьдесят грамм – и вперёд...

– Не надо, Лев Дмитрич... Дело нешуточное.

– Ладно, потом вмажем... – Доктор взглянул на Толика. – Сколько ты вешишь?

Толик робко произнёс. Лев Дмитрич что-то прикинул, сказал обыденно:

– Штаны спусти... – И вытащил из стеклянного шкафа шприц и ампулу.

Почему? Почему я не остановил ни Толика, ни доктора-прохиндея?! Тысячи раз я задавал себе этот вопрос: ведь драма вершилась на моих глазах, и не с кем-нибудь – с моим сыном! В какой-то момент мне показалось, что Толик сейчас рванёт из кабинета, но этого не произошло. Укол был сделан. А дальше случилось непредвиденное: до остановки с Толиком мы не дотянули. Где-то на полпути Толик вцепился в мой локоть.

– Пап, – прошептал он. – Мне плохо. Всё, не могу больше...

Он полностью обескрасился в лице, закачался, у него подкосились колени, он сильнее вцепился в мою руку, но потом отпустил руку и повалился на землю, на обочину, в весеннюю грязь.

Ещё через минуту его стало тошнить, он стал сучить ногами, извиваться на земле, вернее, в грязи, как в агонии, хватать бессознательно меня за ноги.

Я вытащил телефон, позвонил Льву Дмитричу:

– Лев Дмитрич, он упал, его рвёт, он умрёт сейчас. Чего делать?!

– Делай, как я сказал! Вызывай «скорую»!

Собрав волю, я позвонил в «скорую» и, стараясь не орать, вызвал «неотложку». Я не помню, не знаю, сколько минут продолжалось это преступление против своего собственного сына, но в эти минуты пролетела вся моя жизнь: от корки до корки. Она прочиталась как бы мной не на первом плане, а на втором. На первом – предо мной лежал Толик, в блевотине, в корчах, в грязи, бледный, казалось, за минуту до предсмертного вздоха. А жизнь моя опять представилась пустой, глупой и преступной. Даже гадюка-мысль посетила меня: «Если сейчас Толик умрёт на твоих глазах, тебя ещё и посадят, за участие в смертном членовредительстве!»

Я снова позвонил в «скорую». Теперь я уже кричал. И тут, наконец, прибежал Лев Дмитрич. В халате, растрёпанный, дышит, как паровоз.

– Ух ты! – воскликнул он. – Неужели доза велика? Но он же сказал, что семьдесят килограммов весит... Валя, придерживай его на боку, чтобы блевотиной не захлебнулся.

Когда появилась «скорая» с включенными маячками, картина прошедшей жизни стухла. Парня моего спасли. Даже дальнейшее вышло всё, как по нотам. Туфта Льва Дмитрича прошла. Диагноз в травматологической больнице Толику поставили «сотрясение мозга», и три недели он валялся на больничной койке, может, даже празднуя *победу*. Набор в

армию прошёл; а впоследствии Толик поступил, не без моего участия, в институт. Но с той поры, когда сын валялся в грязи на обочине, я стал сидеть. Сперва виски, потом чёлка, хотя в близкой родне седых не было, стало быть, не наследственное.

Глава 3

Меня ждала Полина, я знал, что она ждёт, злится и ждёт, да и на телефоне уже трижды отпечатался её номер. Я опаздывал, но какая-то неодолимая сила повернула мою машину в сторону психбольницы. Скоро я подъехал к неприметному, трёхэтажному зданию за кущами старых тополей, незабвенному «Психоневрологическому диспансеру № 2». Мне нужно было сюда, именно сию минуту – сюда.

На входе остановил охранник.

– Мне повидать Льва Дмитрича, – сказал я, зная охранника в лицо.

– Пусть он закажет для вас пропуск.

– Раньше меня без пропуска пускали. Вы же меня знаете! Я здесь не впервой.

– Знаю. Но теперь без пропуска не пушу. Указание есть. После присоединения Крыма террористов боятся, провокаций. Правила ужесточили.

Чуть позже, идя по коридору к кабинету Льва Дмитрича, я повторял слово «террористы, террористы»... Откуда они берутся? Шкуры своей не жалко? Взрывали бы тогда только президентов... Чего над простыми людьми изувечивать. Террористы хреновы! Прежние революционеры, народовольцы за царём только охотились, за премьер-министром...

Лев Дмитрич встретил меня оживлённо. Непоседливый, круглый, он пустился по кабинету расхаживать – словно подпрыгивал мяч – и сразу пустился в разговоры о присоединении Крыма, о Донбассе, то потирая от ликования руки, то от какого-то неудовольствия их почёсывая. При этом он будто бы забыл про лохматого пациента-шизофреника в синей пижаме с чёрным воротом, который сидел у него в кабинете на кушетке. Пациент слушал его усердно и глядел во все глаза.

– Потом зайдёшь. Тебе торопиться некуда! Давай, давай, уходи, – наконец, сказал Лев Дмитрич больному.

Пациент подозрительно и в то же время как-то усмешливо посмотрел на доктора, сказал, указывая пальцем:

– У тебя волос на губе. Убери, он тебе врать мешает, – и захохотал.

Лев Дмитрич машинально потянулся к губам, потом тихо выругался, вскричал:

– Пошёл вон!

Пациент с радостным визгом скрылся за дверью, но через несколько секунд заглянул в кабинет:

– А у тебя соринка в глазу, – обратился он ко мне.

– Сгинь! – взвыл Лев Дмитрич. Потом почесал руки, извинительно произнёс: – Он всем так говорит. Контингент, Валя, сам понимаешь... Выпить хочешь? – живо предложил доктор и потёр ладони.

– Хочу, но не могу. За рулём. Я, Лёва, иногда нарочно за руль сажусь, чтобы соблазна не было... А если честно, вы-

пить хочется часто, почти каждый день. Сдерживаю себя. И не похмеляюсь. Даже с сильного бодуна.

– Это правильно, – поддержал Лев Дмитрич. – Прав был брат Похлёбкин: алкоголиком никогда не станет тот, кто пьёт после трёх пополудни и не позже девяти вечера. Выходит, любая опохмелка исключается... Ты сильный, Валя, человек, а я вот слаб... Поэтому пришлось завязать совсем.

Тут я сказал ему о цели своего появления в психушке:

– Лёва, скажи как врач, как спец, можно ли вылечиться от наркоты?

Лев Дмитрич даже вздрогнул, поёрзал на стуле, спросил:

– Неужели Толик?

– Есть у меня подозрение... Какой-то он не такой. Рассеянный, взгляд блуждает... Я сегодня его застал в чужой машине. Грязная компания у них... Я не думаю, что героин, но... Что такое синтетические наркотики?

– Это суррогат. Для алкашей будто бы брага, которая не устоялась... В армию, Валёк, его надо было отправить, – вдруг сказал Лев Дмитрич и почесал свои руки. – При советской власти система была жёсткая, но верная. Молодой человек не шарахался из стороны в сторону. Ему на выбор: студенчество или армия. И там, и там контроль. Из армии приходит поумневшим, женится, семья, ребёнок и... самый опасный период прошёл. А сейчас у них ветер в головах долго гуляет.

– У меня так и было, – вздохнул я. – Сперва армия, потом

институт, женился на третьем курсе... Ну а дальше ты и сам знаешь. Каюсь я, Лёва, что тогда его от армии отмазал.

– Да, Валя, я ведь и сам-то перепугался до смерти. Думаю, если вскроется, влепят по ушам...

– А мне какво было? Собственного сына... Я же после этого поседел.

Лев Дмитрич прошёлся по кабинету, потёр ладони:

– Приводи Толика ко мне. Как бы нечаянно. Я пойму, насколько он к этому делу пристрастился... Есть такая книжка, называется «Как остановить падающего в рай». Я тебе дам почитать. Лишь бы Толик на иглу не сел. Сейчас главное – вырвать его из той среды, силой обрубить все связи... Валёк, давай spoём нашу любимую! – вдруг призвал Лев Дмитрич.

– Не поётся, Лёва. Извини...

– Но песня же, сам знаешь, всю гадость с души снимает... Ладно, я тебе один спою. Мне тут один алкаш песню напел. Старинную, казачью.

Доктор встал у стола, выпрямился, приободрился, расправил плечи, повел песню:

За высокий, за курган по степи стелил туман,
А на небе алая заря, заря наступила!
Как по этой, по степи, слышно, движутся полки,
Попереды, ой да, казаков едут командиры.

Страсть у Льва Дмитрича к пению была с детства, он даже в консерваторию поступал – по молодости. А потом ходил в

местный Дом культуры в вокальный кружок, чтоб быть поближе к сцене, пусть хотя бы не профессиональной, но самодельной. Там мы с ним и познакомились: наша строительная бригада ремонтировала Дом культуры. Однажды мы с ним даже спели вместе «Любо, братцы, любо...»

Но теперь он солировал и пел с душой, выкладываясь:
Зря жанили рано вы мене, парня молодого!
Зря жанили потому, что покинул я жену,
И поехал с вами на войну, с вами, с казаками...

Когда я уходил по коридору от доктора, в голове вертелась мелодия казачьей песни, но вместо текста были иные слова: «Ворвать из той среды» – ворвать сына. Однажды мне уже приходилось вырывать из среды дочку Риту. Пришлось переводить её в другую школу. У неё истерики начинались в общении с одной девочкой из класса. В общении они совсем «крышу» теряли. Они могли без конца дурачиться, дикариться, доводили до белого каления учительку... А потом они возненавидели друг друга и стали драться, царапаться, как две кошки, даже тыкали друг друга карандашами... Тогда я перевёл Риту в другую школу, благо возле дома была ещё одна. Вырвал Риту «из среды». И больше она ни с кем не дралась и не делалась полоумной в общении... Среда важна!

Я вышел из проходной, направился к машине и услышал песню: Лев Дмитрич пел в своём кабинете, голос тонко лился в открытую форточку. Пел он самоупоённо, не стесняясь,

что поёт на рабочем месте. А где ещё искренно проявить себя, как не в жёлтом доме!

Глава 4

Настроение изменилось. Мне казалось, что такое опоздание на обед к Полине лишь укрепит меня в предстоящем разрыве с ней. Но теперь мне стало Полину жалко, к тому же хотелось есть, отведать её вкусный обед, да и почему-то захотелось её ласки, её тела, её страсти. Мужская натура не менее инстинктивна и привередлива, чем женская. Возможно, мне захотелось и не Полину, а просто женщину, ведь женщин мне хотелось всегда. Всегда, всегда, всегда... Ежедневно, ежечасно, ежеминутно... С юности, со школьной, со студенческой скамьи я гонялся за ними. Нет, не за всеми: дурнушки, грязнули, хамки – прочь, но было много обаяшек, лапочек, лялек... И я щедро оглаживал их взглядом, с вождением прикидывал, как бы вёл себя с той или другой, доведись оказаться в одной постели. Даже когда была любовь к жене Анне, когда была семья, скреплённая двумя детьми, Толиком и Ритой, женщины, чужие женщины, оставались желанны и необходимы.

Почему была такая охочесть до женщин? Я не анализировал; наверное, у всех мужчин – то же самое, а может, было плотское и вместе с тем романтическое заблуждение, что новая возлюбленная будет какой-то особенной, неповторимой, что будет слаще, горячее, жгучее остальных. Да и количество покорённых женщин поднимает авторитет в соб-

ственных глазах. Но ничего сверх не происходило: менялись партнёрши, приходило удовлетворение, короткое самолюбование достигнутым; а жизнь в основном меняла фасады, при этом сама суть, смысл, наполняемость жизни оставались неизменными. Навечно единственной женщины не появлялось, покоя и глубокого смысла в жизни – тоже, но и примирения и равнодушия ко всему, что было вокруг, тоже пока не происходило. К счастью. А в последнее время меня мучила мысль: первая любовь была такой сильной, несокрушимой, она всё ещё в моём сердце, и теперь, в предстоящем отпуске, у меня будет возможность проверить это вживую...

По дороге к Полине я договорился сам с собой: бросать Полину сейчас не стоит. Попозже. Ведь под рукой всё равно нет других вариантов. Вариант может скоро и появиться. Ну вот, когда появится зримо, тогда и отвалим в сторону. А пока... А пока на свидание я опаздывал почти на два часа от условленного времени.

Полина открыла мне дверь, и я догадался, что она что-то поняла или узнала больше, чем мне бы хотелось.

– Секса сегодня не будет. Обед тоже отменяется. Кто не успел, тот опоздал, – холодно, без приветствия, сказала она.

В эту минуту я почему-то напомнил себе: как хорошо, что отказался взять ключ от её квартиры. Полина всячески показывала, что доверяет мне, и несколько раз предлагала взять её ключ. Но я стоял на своём: «Что мне делать у тебя без тебя?» Вероятно, это было даже больше, чем простое дове-

рие, — это было женское желание создать семью, приручить меня сперва как любовника, а потом как потенциального мужа, чтобы впоследствии делить со мной не только постель, но и что-то общее, семейное и неразрывное.

В то же время я чувствовал, что Полина иногда опасается меня и перепроверяет. Если признаться себе самому без увиливаний: я не любил ее; с ней было относительно удобно, комфортно; она была в меру красива, умна, заботлива, но до гробовой доски шагать с ней меня не манило; не такой уж я безнадёжный старик в сорок пять. Полина чувствовала мои слабости и, наверное, догадывалась, что я попутчик *не навсегда*, но других-то поискать ещё надо...

— Объяснений не будет никаких! — выкрикнула Полина, эта фраза прозвучала как «Пошёл прочь!»

— Почему? — как можно проще и наивнее произнёс я.

— Какие могут быть объяснения? Не ты ли меня учил: прежде чем задать вопрос человеку, этот самый вопрос задай себе сама! И ответ на него. Потом и другому человеку задавать вопрос не придётся.

— Да... В любом вопросе есть скрытая агрессия, — я пробовал затянуть Полину в разговор. — Человек, которого спрашивают, должен как бы отчитываться, а человеку это всегда неприятно. То, что человек хочет сказать сам, пусть сам и скажет...

Полина нервничала, хваталась то за одно, то за другое, наконец, села на диван и выпалила:

– Ты едешь в отпуск. Едешь без меня. Какие могут быть объяснения! И неважно, откуда я это узнала.

– Это не совсем отпуск, я еду в Одессу по делам. Там у меня армейский друг... У меня есть к нему коммерческое предложение.

Прошлым летом мы с Полиной провели отпуск в Испании – корень обиды был найден. От кого она узнала о моём теперешнем отпуске, я сразу догадался: Полина сдружилась с моей бухгалтершей Аллочкой, та и проболталась, а может быть, и доложила *по-дружески*.

– В ванне – твой халат и шлепанцы, в гардеробе – рубашки, бельё. Забери!

– Ты уверена, что так сейчас надо поступить? – спросил я.

– Нечего мне пудрить мозги, – тихо произнесла Полина. На глаза у неё выступили слёзы.

Я не терпел женских слёз. Они меня обескураживали и раздражали, вызывали какую-то болезненную жалость, но сейчас мне показалось, что слёзы Полины особенные, осознанные и не для того, чтобы разжалобить меня. И всё же в какой-то момент во мне шевельнулась жалость к Полине – как-никак, больше года делили ложе, и между нами уже была история... и взаимовыручка, мне даже захотелось просить прощения у Полины, умаслить её, уладить конфликт, а потом добиться её нежности. Даже подумалось, что в близости она всегда была очень мила. Но все похотливые мотивы оборвала Полина резким оскорблением:

– Сволочь! Я больше года на тебя потратила! – Глаза её заблестели, высохли. Я впервые увидел её такой: злой, свирепой, коварной самкой. Тут она схватила глянцевого журнал, который лежал у неё на диване, и швырнула в меня.

Мне не пришлось уворачиваться. Журнал истерически пролетел мимо меня, расправив крыльями страницы, ударился в стену.

– Я тоже хочу любимого мужчину, а не так... Подёргались да разбежались, – прошипела Полина. И в этом Полинином «я тоже» была глубокая правда. – А ты, ты – сволочь... – искала она, куда ткнуть больнее. – Ты добегаешься! Сдохнешь в одиночестве!

– Я прощаю тебе эти слова. – Надо было уходить, не затягивать сцену и не собирать себе на голову оскорбления. – Вещи заберу потом. Кинь куда-нибудь в кладовку...

«Вперёд!» – это я сказал уже сам себе. Приучил давать себе команды: «Вперёд!», «Назад!», «Стоп!», «Забыли!» В них, казалось мне, есть некая энергетика для того, чтобы ненужное утопить в прошлом навсегда, чтоб не всплыло. Возможно, это был психологический самообман.

Обычно, уходя от Полины, я оборачивался на её окна на третьем этаже. Она непременно стояла у окна, махала мне рукой; это было как-то даже по-семейному, словно она провожала меня в путь-дорогу, а сама оставалась ждать. Она прижималась иногда носом к стеклу, чтобы было смешнее, и что-то рисовала на стекле пальцем. В этом было что-то и

романтическое, и интимное. Светловолосая, раскованная, с нацелованными губами, однажды она показала мне обнажённую грудь, распахнув на себе халат...

Теперь, выйдя из подъезда, я раздумывал: обернуться на окна или нет? «Нет!» Меня оскорбили, выгнали, я и сам отказался от Полины, – чего вертеть носом. Это, конечно, ещё отзовётся болью в сердце, ничто не проходит в жизни бесследно: год с лишним близких отношений – это не пустяк. В то же время мне казалось, что Полина презрительно смотрит на меня сверху и готова швырнуть чем-нибудь, и я шёл словно под прицелом снайперской винтовки... Я поскорее забрался в машину. Всё! Всё, что осталось за спиной, осталось за спиной...

Отъехал, набрал номер телефона бухгалтерши Аллочки, я хотел ей крикнуть: «Ты дура! Я тебя уволю!» – но в последний момент сказал ей:

– Спасибо за услугу, подруга... Но ты, похоже, забыла: в Одессу я всё же еду по делам... А в санаторий в Сочи, поближе к Мацесте, лечиться, а не развлекаться. Я думал, Аллочка, ты помнишь о моём радикулите. Сама массаж делала...

Глава 5

Мне до жути не хотелось ехать к бывшей жене Анне. Я опасался, что она не сдержится, зарядит традиционно свои упрёки, тупые укоры. Но надо спасать Толика. Его поведение, его взгляд напугали меня. Надо добраться до истины!

Я позвонил Анне. Не звонил ей около двух лет. Да и она за последние годы звонила только пару раз, по необходимым делам, связанными с нотариусом и армейскими проблемами Толика.

Голос в трубке был и удивлённый, и напуганный.

– Мне нужно приехать к тебе и поговорить, – сказал я.

– О чём? О Рите? – спросила Анна.

– О ней тоже. Но главное – о Толике.

– У меня не прибрано... Может, лучше встретимся где-нибудь в другом месте.

– Нет. Мне нужно посмотреть кое-какие личные вещи Толика. Я буду через полчаса.

Не прибрано, хмыкнул я. Как всегда, не прибрано. А что, разве за полчаса нельзя прибраться в квартире, навести элементарный порядок?! Конечно, если месяцами не наводить этого порядка, то и дня будет мало... Меня всегда бесила небрежность, забывчивость Анны: раскидывать вещи куда попало, повсюду не выключать свет, начинать что-то шить, вязать, потом бросать начатое на половине, портить деньги

на материалы, нитки, покупать массу ненужных вещей, которые годами валялись ненадѣванными в шкафах, а потом стонать: этого нет, того нет...

В перестроечную пору нагрянула мода на сословия, многие ударились искать свои родовые корни. Особенно женщины. Видимо, раздирало желание прибиться к элите... Анна выкопала в нафталиновых сундуках матери – моей тѣщи – какие-то документы, разрисовала свою родословную и безмерно гордилась тем, что дальние предки у неё из дворян, из знати. После того, как она обрела дворянство, она даже ходить стала как-то иначе, с гордо поднятой головой, и стала ещё ленивее, что касалось домашних дел. Горы грязной посуды в раковине, бельѐ не стираю, а сядет средь бардака с чашкой кофе из старинного фаянса рассуждать о дворянских обычаях семьи... Стоп! Стоп! Не надо заводитьсь – всё это уже позади. Уже нахлебался досыта.

Впрочем, я в ту пору и сам заинтересовался своими корнями. О семье матери я многое знал, там ничего не выплыло неожиданного: крестьяне из поколения в поколение. А вот на отцовом древе обнаружили неожиданные родовые ветви. Оказалось, прадед был из-под Екатеринослава, нынешнего Днепропетровска, войсковой старшина, это целый казачий подполковник, судьба которого оборвалась при невыясненных обстоятельствах где-то в 20-е лихие годы. А дед был морской офицер (я-то думал, он служил матросом, а оказалось, капитан-лейтенантом), который погиб в Великую Оте-

чественную, защищая Одессу; могила его не найдена, вернее, могилой ему стало Чёрное море... А бабушка пела в каком-то знаменитом хоре. Не случайно мне нравились казачьи песни. В генах что-то, видимо, сбереглось. Поэтому и Льва Дмитрича я любил послушать с его казачьими балладами, да и сам ему подпевал, бывало, под рюмку.

...Анна открыла дверь сразу, как будто стояла в прихожей и ждала моего звонка. Я нетвёрдо перешагнул порог. Вот и встретились. Ещё поднимаясь в лифте, я почувствовал, как громко стучит сердце, стук даже отдаётся в висках, и всё это не только потому, что впереди нелёгкий разговор про Толика, но и встреча с Анной, которая явится из семейного прошлого.

Посреди большой комнаты на ковре покоился пылесос – прибраться Анна, конечно, не успела, – зато губы и ресницы подкрашены... И вообще она недурно выглядит. Во мне даже что-то шевельнулось – наподобие полуугасшей любви, ведь эту по-своему очень симпатичную женщину я знал немало лет... Она совсем ничего не потеряла во внешности. Почему не выйдет замуж? Не за кого? Достойных, мол, нет, а плохого не надо.

Оказавшись там, где прожил двенадцать лет, я поразился: здесь почти ничего не изменилось, словно я отчалил отсюда вчера. Тот же диван-кровать с обшарпанной спинкой, шкаф со старинными книгами, до которых ни у кого не доходили руки, антикварное высокое кресло с изодранными подлокот-

никами и круглый столик с инкрустациями на резной толстой ноге; в углу, как прежде, чёрное австрийское пианино.

Это пианино Анна подарила пятилетней Рите в день рождения, хотя я в ту пору на всём экономил и копил деньги ни машину. Работал где только выпадал случай, на любой халтуре: маляром, плотником, грузчиком. «Машина подождёт. Зато Риточка станет учиться музыке!» – радовалась Анна; она даже не заметила, что я в тот момент побагровел от злости. Я тогда сдержался, стерпел ради дочки, не упрекнул Анну, но этот дорогой «гроб с музыкой» возненавидел. К тому же у Риты не было ни желания учиться, ни особого слуха, и я всячески помогал ей избегать занятий музыкой.

«Надо быть очень ограниченным человеком, чтобы не понимать, как важна для ребёнка музыка!» – негодовала иногда Анна, но я был неумолим: «К чёрту эту музыку! Пусть Рита побольше гуляет, а не чахнет над клавишами. Как пианистка она всё равно никуда не пробьётся!» «У тебя на уме только деньги... Ты не понимаешь, что музыка – это полёт души...» Так завязывалась очередная ссора, которая доходила до криков и оскорблений, после чего мы неделю могли не разговаривать друг с другом, и никто первым не хотел пробить стену отчуждения... А Рита толком играть на пианино так и не выучилась, кое-как дотянула музыкальную школу. Но потом стала актрисой. Правда, это уже иная история.

– Она сообщила тебе, что выходит замуж? – спросила Анна.

– Кто?

– Рита, разумеется! Вот, почитай. По скайпу я с ней связаться не могла, – Анна протянула мне конверт. Сама села в кресло.

Я взялся читать.

– Да садись ты, Валя, куда-нибудь. Ты ж не чужой... – сказала Анна.

Я устроился на край дивана. Письмо от Риты было следующим:

«Мамочка, милая моя!

Решено. Я выхожу замуж! Свадьба – потом. Так что не переживай. А пока я выхожу замуж и уезжаю в Польшу. Он режиссёр, он ставит там пьесу в Познани... Он гениальный режиссёр! Ты, конечно, не слышала, но это гений! Стас Резонтов. Я сразу слышу твой вопрос: старше ли он меня? Ну, конечно, старше. Ему сорок семь. Но это не имеет никакого значения. Он очень искренний, очень талантливый, очень-очень... А свадьба, родственники, гости, фата и прочий реквизит – это потом. Это не главное!»

В этом месте письма я сглотнул слюну, перекинул взгляд в угол, где горкой валялась одежда. Подсчитал. Рите недавно исполнилось 23, в прошлом году она закончила ГИТИС, а этому гению – 47, итого разница в 24 годика... Стал читать дальше. Письмо было коротким. До конца я добрался быстро. Ни просьб о соизволении матери на брак, ни упоминаний обо мне в письме не нашлось.

– Скоро я буду в Москве. Вот и поглядим на этого женишка.

– Разве это что-то изменит? – чуть скривила губы Анна.

– Ничего не изменит. Рита, похоже, больна любовью... Но с режиссёром надо поговорить. Думаю, когда мужчине за сорок, у него уже есть кое-что в голове.

– Все мужчины думают только одним местом. И место это – ниже пупка, – с язвительной ухмылкой сказала Анна.

– Для дворянки это неприлично, – заметил я.

– Зато честно, – быстро ответила Анна. – Ты подсчитывал, сколько раз ты мне изменял, пока...

После стольких лет изматывающей ревностью и глупостью супружеской жизни слушать теперешние претензии Анны было невмочь. Она так и не успокоилась, она всё как будто считает себя моей женой и предъявляет претензии.

– Достаточно! – резко оборвал её я. – Есть более важное, чем эти глупые упрёки! Я ими уже накушался... Где личные вещи Толика? Надо всё пересмотреть.

Мы пришли в маленькую комнату – обитель сына. Здесь тоже мало что изменилось. Разве что появились плакатные портреты каких-то глянцевых девиц и навороченных машин. Я полез в ящик его письменного стола.

– Мне кажется, ты не там ищешь, – подсказала Анна, хотя что я искал, она не знала. Да я и сам ещё не знал; мне очень не хотелось это что-то найти. – У него под шкафом есть секретная коробочка. Я нечаянно туда заглянула. Катушка ниток

закатилась... Полезла в эту коробку, а там...

Прежде чем встать на колени перед шкафом, я спросил:

– И что там интересного?

– А ты, Валя, не знаешь? – брыкнулась Анна. – Ну, порно там. Журнальчики.

– Он взрослый мужчина. В этом нет ничего удивительного... Да, это подходящее место, – тихо сказал я, обшаривая рукой пространство под шкафом.

В схроне Толика лежали несколько журналов с фотографиями секс-моделей, какие-то чистые бланки с печатями, ксерокопии документов на машину, визитные карточки, рекламки и, наконец, – вот они! Я взял в руки небольшой пластиковый пакет, в котором набралась бы горсть таблеток белого цвета.

– Что это? – вспыхнула Анна.

– Вот и я хочу узнать, что это?

– Может, в полицию сообщить?

Анна всегда была паникёршей, и в неожиданных ситуациях тут же предлагала разные, порой нелепые выходы.

– Попробуем пока без полиции, – ответил я, хотя уже наметил, к кому из полицейских приятелей смогу обратиться.

– Неужели это наркотики? – шёпотом спросила Анна, глаза её тут же наполнились слезами, и мне даже показалось, что она потянулась ко мне, – так часто бывало, когда на семью обрушивалась какая-то беда, пусть даже и невеликая.

– Плакать не надо. Пока ничего страшного не произо-

шло, – успокоил я Анну и погладил её по плечу.

– Валя, что же будет-то? За такие таблетки Толику светит тюрьма! – она стояла ошеломлённая.

– Расскажи мне подробно. Всё, что с ним было в последние месяцы! Кто ему звонил, кто приходил? Когда он приходил? Что у него был за взгляд? Просил ли есть ночью?

– Откуда я помню? Приходил он поздно. Я уже спала...

Мне вспомнился один разговор, я был не участником, а свидетелем этого диалога: директор училища, где моя контора делала ремонт, объяснял что-то матери одного из подопечных, вероятно, балбеса-хулигана, которых в ПТУ всегда хватало. Мать сетовала:

«Ну, хоть вы мне подскажите, товарищ директор, что с сыном делать-то? Мужа у меня нету, прикрикнуть на него, приструнить по-мужски некому. Придёт сын в ночь-полночь, что я сделаю? Правду не скажет... А до тюрьмы-то – шаг шагнуть».

«Ждать надо... – вздохнул директор. – Мать должна ждать своё чадо! Пусть идёт он домой хоть в два ночи, а окно в доме должно светиться. Там сидит его мать, она ждёт его! И всякий раз он будет знать, что мать не спит, встретит его... Когда-то и устыдится... Лишний раз не свяжется с кем-то... Горящее материно окно спасло много оболтусов! Девчонок – в особенности. Пусть окно ваше горит... Пересилить надо этот период».

Я вспомнил о горящем материном окне, хотел было ска-

зять об этом Анне, но прикусил язык. Она, скорее всего, озлится, начнёт упрекать: вот бы и воспитывал сына сам, если такой умный, а не шатался по бабам и не ломал семью... Но, видит Бог, я не хотел разбивать семью: были какие-то бабы, но ради семьи, ради двух детей я не ушёл бы от Анны к самой что ни на есть красавице-раскрасавице. Да и ушёл-то я от неё «в одиночество», а не к женщине... Всё старался заработать больше, бегал по шабашкам, чтоб жена, дети были одеты в дублёнки, чтоб летом к морю могли съездить, а скандалы ревности не прекращались, денег всё время не хватало, и, в конце концов, хлопок дверью, съёмная комната, и всё сначала, с нуля. Так распорядилась судьба. И неизвестно, как распорядится дальше.

– Ты пока приглядишься к нему, – сказал я, забирая таблетки с собой. – Что это за гадость – я узнаю. Если Толик будет спрашивать, где они, не ври. Скажи, что я приходил и забрал.

– Не было печали... – слёзно вздохнула Анна.

Мне захотелось поскорее уйти. Ни сострадания, ни осуждения Анны мне испытывать не хотелось. Нечего беречь душу, никакой прежней мороки! Пора!

– Ты никому ни слова... Никому! – кивнул я на прощание Анне.

* * *

Я вышел из дома, когда-то родного дома, с решительным

настроим: за сына буду бороться! Риту тоже так запросто в лапы какого-то режиссёра не отдам!

Во дворе у подъезда на лавках сидели четыре старухи. Вот неожиданная встреча! Все они меня знали, наверняка помнили, кому я бывший муж, заздоровались наперебой. Я их считал старухами ещё и потому, что все они были вдовами, но они, по-видимому, старухами себя не считали, ещё всюю молодились, и теперь, по весне, даже расцвели. Подкрашенные, подзавитые, никаких сединок в волосах не видать, духами пахивают; они, видно, ещё на что-то надеялись, а может, просто гнали от себя годы.

– Здрасьте, здрастьте, барышни! – с доброжелательной насмешкой сказал я, оглядев бывших соседок. – Что, милушки, выбрались на завалинку перемыть кому-нибудь кости?

– И это надо...

– Мы и есть общественное мнение! – весело, безобидливо откликнулись старые соседки.

– Что, не даёт вам покоя министр Сердюков со своей толстозадой воровкой? А вот скажите-ка, бабоньки, – хитроголосо повёл я, – где ваши-то мужики, мужья то бишь?

– Дак ведь померли они, Валентин. Али забыл?

– Царствие небесное!

– Ты ж их всех знал, мужей наших!

И то верно: всех мужей этих старух я знал. Один был бывший военный, майор танковых войск; другой – автослесарь, «золотые руки», не раз заглядывал под капот моих первых

«жигулей»; третий – пьющий интеллигент, корреспондент из местной газеты, а четвёртый – тренер по боксу, сам бывший боксёр.

– Кто ж им помог помереть-то до срока? А, бабоньки? Кто им кровь портил скандалами, похмелиться не давал, уход вёл плохой, об их отдыхе и здоровье не заботился? А? – иронично и в то же время на полном серьёзе вопрошал я. Старушки взволнованно насторожились. – Изъездили вы, красавицы, своих мужиков раньше срока. А теперь сидите, как курицы на насесте, квохчете... Белый костюм негра Обамы обсуждаете...

Ропот возмущения прокатился меж старух, но я этот ропот слушать не стал, выкрикнул со злой весёлостью:

– Эх, бабки! Беречь надо своих мужиков ещё при жизни! Детям своим, дочерям-внучкам накажите, чтоб мужиков своих берегли!

Я быстро пошёл к своей машине. Ох, и пополощут меня старые бабы за такие слова! Всё мне припомнят: и мою расколотую семейную жизнь, и свою любовь к мужикам своим, которые, конечно, не в меру выпивали, о здоровье своём не заботились, по молодости были гулёнами, и сами виноваты в том, что рано отволокли их на кладбище...

Глава 6

Это произошло так неожиданно, непредсказуемо и, казалось, совсем без повода. У меня и не было никаких болезненных симптомов до этого часа. Когда начался приступ, я сидел у себя в кабинете; работал тогда в одном строительном тресте мелким начальничком. Боль, вступившая ко мне в правый бок, стала постепенно парализовать, сковывать движения, и в некоторые моменты словно игольчатым камнем шевелилась. Тогда я покрывался потом, и хотелось стонать. Я ошарашенно думал: «Что же это такое?» Но ничего не выдумал, кроме аппендицита. Вызвал секретаршу Елену, она была на то время и моей близкой подругой. Проговорил полупшепотом:

– Ленка, мне очень хреново. Вызови «скорую». Резкая боль в правом боку. Похоже, аппендицит.

Елена всплеснула руками:

– Валентин Андреевич, какой вы бледный стали...

– «Скорую» вызови! – перемогая боль, прикрикнул я на секретаршу.

«Неотложка» долго не ехала. Что это было за время?! Девяностые!.. А я уже валялся на диванчике у себя в кабинете, согнувшись, прижав колени к груди, и еле сдерживался, чтобы не заорать от наплывов боли.

Очкастая, сухая, нервная врачиха – от неё ещё гадко пах-

ло табаком, – прибывшая со «скорой», взглянула на меня, как на преступника, резко попросила показать язык, затем надавила на живот, и я взвыл от умопомрачительной боли. Потом она отвернулась от меня, что-то стала писать в блокноте, спросила мимоходом:

– До машины сами дойдёте? Или носилки?

– Что со мной?

– В больнице диагноз поставят. Думаю, почки...

– Но у меня ж никогда не было...

– Всё когда-то начинается, – философски сказала докторша, хмыкнула и прибавила: – И заканчивается...

В своих циничных проявлениях она мне даже чем-то импонировала. Не сюсюкает. Сразу в больницу. Без всяких глупых расспросов. Что ели? Как спали? В стационар – и всего делов!

С помощью приятеля из конторы и секретарши я доковылял до «скорой» – раздолбанного «уазика-буханки»; подумал попутно: хорошо, что у «скорой помощи» бензин есть, чтобы довезти меня до стационара. Елена напрашивалась со мной. Но я сказал: «Нет».

В машине я не кричал, но когда добрался до кушетки приёмного отделения, начал стонать. В этом узком кабинете приёмного отделения я был один, стесняться было некого, но если б здесь было хоть сто человек, хоть сто женщин, я всё равно бы стонал. А позже я и вовсе не выдержал – стал кричать от боли...

Я сам себе не верил: разве такое возможно, что я буду орать в истерике и извиваться на кушетке. Но никто не приходил: ни дежурный врач, ни медсестра, и тут опять сквозь боль пролетела мысль: что ж мы натворили, если так опустили медицину? Я орал. Но всем, похоже, на всё было наплевать. Ох, уж эти девяностые! А правильнее сказать – ельцинские годы! (цифра «90», да и век двадцатый ни при чем, ведь во все времена правят люди, иногда тупицы и негодяи).

Наконец, пришёл врач. Немолодой, лысый, красный весь, на лысине – капли пота, мне даже показалось, что он «под мухой»; правда, от него не пахло...

– Ты чё так орёшь-то? – безобидно прикрикнул он на меня.

– Больно... – прошептал я.

– Не мог раньше, – оправдался врач, подсел ко мне на кушетку: – Ну-ка, ну-ка, ну-ка, покажись, – заговорил он и стал ощупывать мой живот.

– Что со мной? – нашёл я в себе силы спросить спокойно.

– Обыкновенная почечная колика. Сейчас сделаем укол...

Полежи ещё.

– Только недолго...

– Да, да, да... – врач быстро исчез, так же, как появился.

Я снова остался на кушетке со своей болью. Я молча терпел её не больше минуты, а дальше – опять стон и сплошной ор.

Пришедшая медсестра, хваткая пожилая бабёнка в круп-

ных очках, с наполненным шприцем в руке, тоже церемонилась со мной недолго:

– Чего кричать-то? Надо потерпеть... Пьёте, пьёте... Почки не железные. С доктором вам повезло. Добрый. Последнюю ампулу вам отдал. Лучшее лекарство...

– Что за лекарство? – сквозь зубы пробормотал я.

– Анальгетик. Наркотик, по правде-то сказать. Боль как рукой снимет... А почечная колика – такая зараза. Никто никогда не знает, где это начнётся. Может, камушек с места стронулся и пошёл гулять... Лежи. Отойдёт. – Медсестра, так же деловито, как доктор, ушла от меня.

Снова я остался один. Но уже в другом состоянии. Незаметно для себя я перестал стонать, подстывать, тяжело вздыхать. Затем незаметно отступила боль. Она отступила не разом, а постепенно. Сперва я перестал думать о боли, хотя и живот, и спина превратились у меня за время приступа в единый неповоротливый тяжёлый камень. Но теперь этот камень не давил, не приносил страданий. Я лежал с закрытыми глазами, и перед моим внутренним взором творилось что-то невообразимое. Будто в тёмном ночном небе необыкновенного сиреневого цвета вспыхивали, неярко и нерезко, разные звёзды; они мягко играли радужными цветами, перемигивались, мерцали; они окончательно приносили обезболивающее избавление, они уносили меня от мира здешнего в мир бесчувственный, разноцветный и сказочный. С каждой минутой мне делалось всё лучше. Ничего подобного прежде

я не испытывал. И дело было не в красоте звёзд, потом эти звёзды и вовсе исчезли, а перед глазами было что-то светлое – словно ранняя зорька на дальнем горизонте. Но видимые образы были сопутствующими, главное – внутри нарастало насыщение радостью, как будто всю мою плоть, все клетки моего организма наполнились здоровой силой, способной поднять меня не только с кушетки, но и с земли – в небо. Хотелось смеяться! А ведь прошло всего несколько минут после того, как я безбожно орал от боли.

И тут, как бывало со мной, в эти минуты и мгновения опять пролетела в моём сознании, цельной, многокрасочной картиной моя жизнь. Но сейчас ярких счастливых красок в ней было много больше, чем когда-то прежде. Я слышал и ласковый голос матери, я чувствовал морозный запах ели, которую мы спиливали с отцом на новогодний праздник, я безудержно был влюблён в одноклассницу Ладу, и эта любовь простиралась на внезапном полотне жизни неким восходом солнца, а по коже бежали мурашки от счастья...

Из тихих ласковых галлюцинаций меня вывел голос врача, а потом голос жены Анны.

- Утих, уснул, значит, всё нормально. Приступ прошёл.
- И что теперь делать? – спросила Анна.
- Обследоваться, лечиться... Да, да, да... Тут никуда не денешься.

Я отстранённо слышал разговор и сквозь ресницы смотрел на врача и жену; мне не хотелось открывать глаза шире.

Но внутренний толчок встрепенул меня:

– Куда меня сейчас, в палату? – спросил я доктора.

– Нет, нет, нет, – живо откликнулся доктор. – Можно обойтись и без стационара. К тому ж в стационаре все равно лекарств нету... Амбулаторно полечитесь.

Я с улыбкой смотрел на Анну, взял её протянутую руку.

– Выходит, ничего страшного? – спросил я.

– Бывает и хуже.

В этот момент в приёмный покой вошёл высокий решительный человек, тоже в белом халате; по всему видать, врач рангом повыше, чем мой лысый лекарь-избавитель. Это был главврач.

– Ах, вот вы какой, голубчик! Мне весь телефон оборвали... – с некоторой издёвкой заговорил главврач и подозрительно посмотрел на Анну: – А вы кто?

– Жена, – ответила она и вдруг почему-то расплакалась, слёзно спросила: – Скажите честно, что с ним, доктор?

Но главный врач на её вопрос не ответил, зато уточнил:

– Значит, вы жена?

– Да.

– А кто вам сообщил о приступе вашего мужа и где он находится?

– Его секретарша.

Главный кивнул, сказал уверенно Анне:

– Не беспокойтесь! С вашим мужем всё будет хорошо. А пока выйдите, пожалуйста. Мы ещё раз осмотрим вашего му-

жа... — он почему-то выделил эти слова «вашего мужа». Как только Анна оказалась за дверью, главврач покачал головой:

— Да-а, голубчик, — он присел на край кушетки. — Мне звонят и звонят. Но я не могу говорить о диагнозе больных чужим людям, а только близким родственникам... У вас ещё две жены, голубчик. Не считая той, которая стояла только что здесь.

Я не понял, куда он клонит:

— Откуда они возьмутся, ещё две?

Главный понизил голос, сказал по секрету:

— Мне сначала позвонила ваша секретарша, представилась, расспросила, где вы и что у вас... Тут всё понятно. Но потом ещё позвонили две женщины, и каждая из них представилась вашей женой. Итого получилось трое, Валентин Андреевич!

— Не может быть! — ошеломлённо сказал я.

— В жизни, голубчик, всё может быть... Причём одна из них звонила откуда-то с улицы, из автомата, был слышен шум машин.

Лысый врач захохотал, а потом сказал иронично и дружески:

— Отправляйтесь домой, многожёнец. Лечитесь амбулаторно. Это всего лишь почечная колика.

— Всего лишь. Я орал так, что весь город, наверное, слышал.

— Бывает.

Главный врач вышел из помещения, было слышно, как он сказал Анне:

– Вы можете забрать своего мужа. Следите за ним. Я имею в виду здоровье...

Если и была в этих словах насмешка, то очень скрытая. Мне даже показалось, что, напротив, доктор говорил очень серьёзно, с назидательностью.

Загадка о трёх жёнах долго терзала меня. Часть этой загадки удалось разгадать. Сотрудница юридической службы Екатерина, когда отмечали 23 февраля, подвыпив, призналась мне:

– Когда вас на «скорой» повезли, я так перепугалась. Грешным делом, подумала: вдруг у человека инфаркт... Позвонила главврачу, сказала: «Я жена! Говорите правду!»

Екатерина всегда мне нравилась. Нет, я не подбивал к ней клинья, но она мне нравилась: ухоженная, улыбчивая, чёткая, всё понимающая. С такими всегда хочется провести время. Но не думал, что я ей до такой степени интересен, что она назовёт себя моей женой... Впоследствии мы с ней провели несколько вечеров вместе (после того, как она назвалась моей женой, я не мог отказаться...) Я так её и называл: «вторая жена».

А кто была третьей телефонной женой – осталось тайной. Я приглядывался к каждой потенциальной жене в своей строительной конторе, но никого не мог выбрать. Смущала только одна кандидатура. В экономическом отделе работала

девушка Оксана. Она была тихой, скромной, неприметной. И, по-моему, очень стеснялась меня. А ещё была ниточка – однажды я услышал вопрос её сослуживицы: «Ты чего, Оксан, из телефона-автомата звонишь? Разве у вас в отделе телефонов не хватает?» Я в тот же миг наострил уши: что ответит Оксана. Но Оксана пожала плечами, а сослуживица извинилась: «Прости за глупый вопрос. Говорить со своим молодым человеком лучше без посторонних ушей...» – И она рассмеялась, а Оксана слегка покраснела. Но была ли «третьей женой» скромница Оксана – большой вопрос. Так я и не выведал, кто она, моя очаровательная преданная третья жена? В этой тайне было какое-то упоение, иллюзия любви и счастья. И даже, наверное, хорошо, что не нашлось отгадки.

Но главное во всей истории с приступом было другое: лекарство-наркотик. Оно настолько поразило меня, что потом, даже много позже приступа, я всё ещё надеялся, что такой же приступ повторится и мне достанется тот же самый искусительный обезболивающий препарат. Я перенёс лютую боль, истерику, но я готов был перенести её ещё раз, ради избавительного укола, ради фиолетового неба со звёздами и бесконечной радости, которая постепенно насыщает тело, а потом и душу...

Почему мне лезла в голову эта история, было понятно: я вёз в машине таблетки. Глупо, но мне хотелось их попробовать, испытать, как тогда испытал, «возвышающее» действие лекарства.

Нужно было вытаскивать Толика. Помочь в этом мог Виталий Шаров.

Глава 7

Деятельный человек с годами всегда обрастает связями, знакомствами, блатом. Коллеги, однокашники, армейские друзья, однокурсники – они не сидят сложа руки, они становятся начальниками, влиятельными чиновниками, получают звания и звёзды на погоны. Виталий Шаров был ментом. Ментом азартным, которые не любят проигрывать. Этот Шаров, будучи когда-то капитаном, попортил мне немало крови.

В стране в девяностые – бум предпринимательства, вернее, лёгкой поживы и откровенного воровства. Конторы появлялись и исчезали. ТОО – товарищества с ограниченной ответственностью. Как мило, с ограниченной ответственностью! Почему не с полной? Я, разумеется, открыл свое ТОО, потом ещё одно, а потом ЗАО и т. п. Но забывал конторы закрывать, так и получилось, что одно брошенное ТОО вместе со всеми документами повисло на бухгалтерше Ксюше-пулемётчице. Она не говорила, а частила словами, словно пулемёт, вот и подошло ей прозвище «пулемётчица». С Ксюшей у меня был коротенький роман, даже не роман, а так – «перепихушки». Почти все директора-«тоошники» со своими бухгалтерами спали, так было проще обговаривать аферы.

Но с Ксюшей произошёл у нас разрыв, безболезненный, мирный, что-то не срослось, а вот документы и печати ТОО с

романтическим названием «Северный монолит» так и остались у неё. Они должны были кануть в Лету, такое было делом обычным, но они не канули, а всплыли у мента Виталия Шарова.

Меня потащили на допрос, тут я увидел его и удивился капитану Шарову. Он сидел в убогоньком ментовском кабинете, но каким щёголем! В костюмчике с иголки, курил дорогие сигареты, на руке – золотой браслет, на пальце – перстень из белого золота. Шаров острым взглядом мента и психолога, наверное, определил, что я ни в чём не виновен, хотя поначалу напустил такого туману, что меня на расстрел могли увести без суда и следствия...

– Вот документы, гражданин Бурков. Пять вагонов с цементом вы получили от Гурьянского цементного завода и не заплатили ни копейки, хотя гарантировали...

– Ничего я не получал! Ничего не гарантировал! – вскричал я. – Не было у меня никакого контракта. Клянусь, не было!

Тут Шаров панибратски сказал:

– Да верю, верю я тебе, Валентин. Но весь фокус в том, что и печати, и устав твоего ТОО «Северный монолит» неподдельные. Шерше ля фам... Бухгалтерша твоя где?

– Не знаю. Она теперь у меня не работает.

– А документы и печати у неё остались?

– У неё. У неё! Найду её, суку, Ксюшку-пулемётчицу! – не стерпел я.

– Пулемётчицу? Это любопытно. Надо найти, гражданин Бурков. Пять вагонов с цементом – это, конечно, не батон колбасы, украденный в магазине. За батон колбасы ты бы пару лет схлопотал. За двести тонн украденного цемента тебя явно не посадят, откупишься, выкрутишься. Но пятно грязное будет...

Тут я рассмеялся и всё перевёл в шутку:

– Прости, начальник, но не виноватая я... А Ксюшку-пулемётчицу тебе доставлю. С ней обо всём и перетрёте.

– Я думаю, что она тоже не виновна. Какой-нибудь её хахаль подсуетился. На чистых бланках расписывался, Валентин? На ордерах приходных-расходных, в книжке чековой? – тут он сменил тему допроса. – Ну ладно, время позднее, конец дня, пятница. Пошли в ресторан. Перекусим. Там всё и обсудим...

Я сразу понял, что платить за ресторан придётся мне. Но этому и обрадовался: иметь в приятелях такого капитана, явного проныру, немножко хама и циника, который цепок, но не корчит из себя гениального сыскаря, – факт очень выгодный. Да и если он идёт со мной в ресторан, значит, мне доверяет, он не глуп, с шантрапой, урками пить не будет, и обо мне, видно, кое-что уже вызнал.

В ресторане мы с Шаровым крепко нагрузились. Шаров напрямую сказал мне:

– Пять тысяч зелёных – я всё улажу... Найду этого гадёныша, кто твою Ксюшку-пулемётчицу отпугнул.

– Слово?

– Слово офицера! – пьяно ухмыльнулся Шаров.

Потом, ещё подвыпив, я приобнял Шарова и спросил напрямую, глядя в глаза:

– Скажи мне, Виталий, – в этом месте я споткнулся: я хотел спросить его с некоторой осторожной язвительностью: «Сколько?..» – но в последний миг изменил свой вопрос и снял язвительность: – Что тебе нужно для счастья?

Шаров задумался, как-то собрался, даже будто бы протрезвел и ответил серьёзно и уж точно честно:

– Самое главное для меня – чтобы мать не болела. Всё остальное чепуха... Мать у меня прихватило сильно. Не знаю, выкарабкается ли? Лекарство импортное нужно.

Эта искренность Шарова запала мне в сердце.

Мать у Виталия Шарова не выкарабкалась. Шаров вскоре после смерти матери женился и, странное дело, перестал щеголять в красивых костюмах, снял золотые украшения, ходил в основном в милицейской форме, хотя по-прежнему был аккуратен, любил стоящие вина, дорогие сигареты и кофе «американо».

Теперь Виталий был уже целым подполковником, сидел в просторном меблированном кабинете под портретом президента, в новой полицейской форме, да и должность в иерархии полиции занимал весомую для провинциального Гурьянска – один из замов районного начальника.

Я застал Шарова взбудораженным: он ходил по кабине-

ту туда-сюда и отчитывал сотрудника за какую-то утечку информации. Ещё заглянув в кабинет, я спросил: «Может, мне подождать?» Но Шаров выкрикнул:

– Заходи, заходи! Это и тебя касается!

Перед Шаровым сидел молодой человек, в гражданском костюме, вертел в руках сотовый телефон, – видно, из оперативных сотрудников; речь шла о какой-то операции, которая чуть было не сорвалась или результаты которой ещё были до конца не ясны. «А при чём тут я?» – подумалось мне.

Шаров вскоре ответил на мой неоглашённый вопрос:

– Вот вы, строители, несли взятки чемоданами Галковскому, ныли, ждали, чтоб мы его поскорее на нары кинули. А когда мы попросили вас помочь нам – все задницу в горстку, и никто против Галковского. А почему?

– А потому что Галковский кормит губернию и Москву! – возразил я. – Ты его за задницу, а завтра его задницу московские воротилы в кресло вице-губернатора посадят.

– Думаю, что нет. Отрекутся, – тихо произнёс молодой опер. – Сейчас время сливать губернаторских обжор...

– Да, над нашей губернией тоже собираются тучи, – сказал Шаров. – Хотя у каждого чиновника грехов – выше крыши. Но у Галковского их более чем. Он, мерзавец, своих женщин в конторе заставлял ходить на работу исключительно на каблуках, исключительно в юбках, некий дресс-код. Значит, и домогался к кому-то. Значит, кто-то на него точит зуб и готов свидетельствовать.

– Думаю, не без того, – подтвердил опер.

– Найди парочку жертв. На всякий случай и эту подпорку используем. Чем больше свидетелей, тем лучше. Можешь идти.

– Есть, – отозвался опер. Вышел из кабинета.

– Ты давал взятки Галковскому? – спросил меня Шаров. Он смотрел мне прямо в глаза.

– Разумеется, – ответил я. – Как все. Без его подписи к коммуникациям в городе не подпустят.

– Можешь подтвердить это сейчас? Хотя бы устно? При Галковском?

Я растерялся. Дело пахло жареным. Шаров – мент, его работа – играть с огнём. А мне в кошки-мышки играть не резон. Но выходило сейчас так, что я зависим от Шарова, я же пришёл к нему в роли просителя, на карте – судьба сына. Я почувствовал, как озноб пробежал по спине, и внутри меня что-то загудело – будто бы страх, который испытывал в детстве, когда приближалась драка.

Всё-таки связываться с ментами – дело скользкое. Лучше бы не связываться никогда. Настоящий мент, а тот же Шаров был ментом настоящим, должен быть умён и коварен. Если ты у него чего-нибудь просишь, знай, завтра он попросит у тебя. И ещё неизвестно, что дороже... Лучше жить по закону. Но я по закону не жил. Вертелся, взятки давал, обманывал налоговую, финтил кое-что с банком, успокаивал себя: все так делают, без этого в бизнесе не выжить... Врал, ко-

нечно, сам себе. Но чистеньким перед Шаровым казаться не хотел и не мог.

– Виталий, я тебе верю. Я готов сказать в присутствии Галковского, что давал ему взятки. К тому же, на вашем языке говоря, у меня есть кой-какая вещественная база.

Шаров протянул мне руку, ожесточённо тряхнул её, сказал:

– Спасибо! Пойдём! Галковский у нас в подвале сидит.

– Не может быть! Сам Галковский в подвале?

– Сегодня на даче взятки прихватили. При обыске ещё нашли сто двадцать миллионов наличными.

...Это был зажавшийся воротила. Чиновник, который давал разрешения на любую стройку в городе и районе. Взятки и откаты у него вошли в систему, он делился с теми, кто стоял над ним, и, видно, совсем потерял чувство опасности. Вот и попался. Или кто-то захотел его убрать, потому что слишком много знает. Дело тёмное и грязное. Там, где большие деньги, – вечные сумерки...

Мы вошли с Шаровым в одиночную камеру. Там было чисто, светло. На кровати сидел человек в спортивном костюме, руки у него были сцеплены в замок. Это и был Галковский. Я его даже не узнал. Он был без очков, без галстука, без белой сорочки, он слинял, потерялся.словно бы орёл стал воробьём. Шаров строго и чётко заявил:

– Господин Галковский, это не для протокола, а для информации... Валентин Андреевич, – обратился потом ко

мне Шаров, – вам известен этот человек?

– Да, я его знаю, – твёрдо ответил я.

– Вы давали господину Галковскому взятки?

– Да. Я отправлял деньги на счета, указанные им.

Галковский сперва как будто не понял, о чём речь, потом побледнел, прошептал:

– Я требую адвоката!

– В данный момент обойдёмся без адвоката.

Галковский вскочил с кровати, выкрикнул:

– Зачем вам это нужно, Шаров?!

– Хотя бы время от времени таких, как ты, надо сажать в тюрьму. А лучше бы расстреливать, – не церемонясь, ответил Шаров.

Галковский перевёл взгляд на меня, голос его был по-щенячьи обиженным и укорительным:

– Валентин Андреевич, – впервые он меня назвал по имени-отчеству, – как же вы так? Я же вам никогда не отказывал, а вы... Мент выслужиться хочет, но вам-то...

В первый момент после этих разоблачительных слов я растерялся, но совсем ненадолго. Будто в ответ на его укорительные слова разом промелькнули передо мною десятки унижительных для меня картинок, когда я просителем отирался в приёмной Галковского, когда ловил его в коридорах и о чём-то упрасивал, когда подносил подарки ко Дню защитника Отечества.

– Мне тебя не жалко! – брезгливо сказал я.

Встреча с бывшим чиновником кончилась. Я был уверен, что Шаров упрячет его за решётку. Мне ничего не грозит. Новый назначенец вряд ли будет мстить за проворовавшегося бывшего... Впрочем, никто не знает, как ляжет карта. Ведь и этот жулик вряд ли думал, что попадёт на нары. Выйдя из камеры Галковского, я символически сплюнул, сказал:

– Все знали, что он вор, а столько лет сидел в кресле, позорил власть, портил дело, гадил обществу.

Шаров внимательно и хитровато посмотрел на меня, спросил:

– Но ведь это многих устраивало? Кто его хотел вывести на чистую воду? Он доил деньги из ЖКХ, из строителей, отдавал своим людям подряды. Кормил чинуш из области, имел московские связи...

– Хватит о нём. Я к тебе по другому делу!

Мы вернулись с Шаровым в его кабинет. Я молча выложил на стол пакет с таблетками. Шаров посмотрел на них без особого интереса, как будто видел такие таблетки каждый день.

– Мой сын влип в дурную компанию. Боюсь, что его пасут какие-то гниды.

– Наркотики – статья тяжёлая. Твоего парня надо спасать. Я рассказал Шарову о загадочном поведении сына, о его знакомых, о «жигулёнке», на котором ехал Толик.

Шаров курил сигарету. Курил он красиво. Я смотрел на него и даже немного любовался. Теперь это был не капита-

нишка в ободранном кабинете, который после работы шёл в кабак на халяву. Теперь передо мной сидел прагматичный, расчётливый полицейский старшего офицерского чина. Правда, левыми деньгами и подарками Шаров не брезговал, но цели разбогатеть он не ставил, сомнительные подношения сразу отвергал; от моих подарков он не отказывался, надеясь, что не предам его. Но вообще-то он как-то холодно относился к деньгам. Если они ему были нужны, он их доставал, а деньги ради денег – это было для него чем-то вроде паскудства. Он и сотрудников тут же увольнял, если замечал за ними шкурничество. Сейчас Шаров молчал. Я кончил свой рассказ и ждал.

– Много лет назад, я тогда лейтёхой был, дураком, первые дела только вёл... Словом, паренька я одного посадил. Васей звали. Никак простить себе не могу. Его друзья подставили... Отнеси, мол, посылочку – заработаешь. Потом ещё, потом ещё... А когда пацан расчухал, что стал наркокурьером, возмутился. А те ему: если вякнешь – сядешь. Сдали в конце концов. Я мог ему помочь, но... То ли ума не хватило, то ли тщеславие сопливое – раскрыл, мол, целую цепь. Словом, парнишке дали три года. На зоне какие-то скоты его снова подставили, его изнасиловали... Он повесился.

– В чём мораль? – спросил я.

– Жить тяжело. Грехов много. Надо бы хоть в церковь ходить... Да всё как-то не получается... Твоего Толика я криминалу не отдам! – вдруг резко сказал Шаров. (С сыном он

был шапошно знаком, даже как-то раз играл с ним в шахматы.) – Ты сказал, что он ехал на раздолбанных «жигулях». Номер помнишь?

Я назвал номер.

– Заходи завтра, Валентин. Я пробую, чья машина. И вообще что-нибудь придумаем. Таблетки поддержи у себя. Экспертизу надо сделать...

Глава 8

День сломался, планы – насмарку. Ох, уж эти неожиданные вводные! Задумаешь одно, а делаешь другое. Так и по всей жизни получалось. Мечты в одну сторону, реальность – в другую. А ведь день начинался так бодро, с весеннего эликсира, мажорного настроения: впереди поездка в Одессу, отпуск, даже что-то лирически-любовное, ведь в Одессе жила Лада... А тут один внезапный удар, второй – удар, третий... Третий будет сейчас.

Моим соседом по таунхаусу был приятель Галковского, чиновник из администрации Соловьёв, через него мне тоже приходилось проворачивать некоторые делишки, связанные со строительными подрядами. Теперь мне придётся признаться Соловьёву во встрече с Галковским в полиции и в том, что я ничего о нём скрывать не буду: пусть тонет... Но ведь Соловьёв был с Галковским в одной лодке. Тьфу ты, чёрт! Одно тянет за собой другое. Это как сантехнику ремонтировать. Вроде бы только прокладку сменить в смесителе. Раскрутил – оказалось, надо менять и весь смеситель, и даже все трубы надо менять...

Вроде бы Достоевский написал о том, что человек рассчитывает один-два варианта в жизни, а жизнь даёт миллион вариантов. Ничего не угадать. Может, тогда стоит плыть по течению, если за нас всё решено наперёд?

Но в Бога я почему-то не верил. Вернее, Бог был для меня величиной абсолютно абстрактной, виртуальной: нечто нематериальное, сотканное из мыслей и чувств человека... Традиционно верующих я уважал. Даже завидовал им, а сам от веры был далёк настолько, что ни разу и лба своего не крестил, хотя мать говорила, что в младенчестве к нам домой приходил священник и покрестил меня и мою старшую сестру разом, минуя церковь. Мать учительницей работала, стеснялась – комсомолка была, активистка, да и отец был партийный. Но покрестить детей не считала лишним.

Я подъехал к своей калитке, оставил машину, обогнул часть нашего двухэтажного дома, где занимал одну половину, другую занимал Соловьёв с женой. Увидел его машину в небольшом дворике, но сразу к нему не пошёл. Несколько таунхаусов строила моя фирма, в том числе и этот дом, который был под моим особым контролем. Я знал, что буду жить здесь, знал, кто будет моим соседом, и то ли бес попутал, то ли инстинкт любопытства, а может, – самосохранения взыграл, – словом, в кладовке первого этажа я не заложил вентиляционный люк и при желании, отодвинув секретную заслонку, мог подслушать, о чём говорили соседи в столовой... Туда я и направился, зная твёрдо, что речь идёт об аресте Галковского, и мне нужно понять настроение и мысли его соратника и сообщника.

Гадко это, противно – кого-то подслушивать, за кем-то шпионить, но «какать захочешь – так присядешь», говорят в

народе... Мне это было нужно: знать, о чём говорят в доме Соловьёва.

По голосам я сразу понял: Соловьёв пьян, а его молодая жена Ирина раскалена, даже мат проскакивает в речи.

– Да без его денег они куски дерьма! Галковский их кормил, а теперь кто будет? – услышал я голос Соловьёва.

– Найдутся такие же хапуги, – зло кинула Ирина. – Деньги, деньги, деньги, всё у вас деньги! Сколько раз тебе говорила: угомонись, отойди в сторону, а ты совсем голову потерял... Теперь всё отберут, тебя за решётку бросят, а мне что – в комнату в общежитии идти?

– Только о своей шкуре думаешь, – устало пробормотал Соловьёв.

– А что мне не думать?! Я молодая ещё! Жить хочу!

Этой заслонкой я пользовался всего второй раз, хотя жили мы в этом доме уже третий год. Однажды мне нужно было подслушать, о чём говорил Соловьёв с гостем, каким-то барыгой из московского министерства, который доил наш город, курируя большой федеральный строительный проект. Но слушал я их разговор недолго. Они говорили о политике, перебивали кости вице-премьеру и министрам, обсуждали их всем известные решения и ничего закулисного, ничего оригинального. Такое плетут в любой компании, за любым пьяным мужским столом. А у меня есть принцип, ну, принцип – не принцип, но есть некая установка: о политике болтать не хочу! Даже есть такая команда: «Стоп! Меня это не

касается!» Я не в силах что-либо поменять «наверху», чего ж об этом и говорить? Там совсем другой мир, другие связи и силы, и никогда не откроется та личность, которая принимает решения, а чесать лясы попусту о том, почему у премьера мешки под глазами, – чушь собачья! Моя политика делалась вокруг меня, та политика, на которую я мог повлиять, где я принимаю решения. Так я и перестал слушать трёп московского гостя с Соловьёвым, хотя московский гость, конечно, кое-что знал из сокрытой от толпы жизни верхов, но, думается, тоже вряд ли мог влиять на политику, – так, карманы себе набивал на хлебном месте...

– ...Чего ты раскудахталась? За границу уеду!

– Кому ты там нужен, такой красавчик? – съязвила Ирина.

– Я не нужен. Мои деньги нужны! – ответил Соловьёв строго. (Я даже представил его кривую ухмылку.) – Тебе ведь мои деньги тоже нужны оказались?

Ирина молчала: вопрос коварный. А Соловьёв ей подсказывал, пьяно и вульгарно:

– Вспомни, откуда я тебя вытащил? Если б не я, работала бы швейей на фабрике, жила бы в бараке с алкашом-слесарем, пила бы... не мартини в итальянских ресторанах...

– Дурой была. Повелась на твои побрякушки, – негромко отозвалась Ирина. Тут она, как мне показалось, глубоко вздохнула и – почти в крик: – Да, за деньги! Да! Если б не деньги, чего бы ты, урод, стоил?! Ты посмотри на себя! Баш-

ка облезлая, живот большой, ножки – как спички... Я на тебя, уroda, лучшие годы жизни положила. Ни ласки, ни настоящей любви не знала... Но и ты ни копейки в гроб с собой не унесёшь. Да и деньги-то ваши грязные! Обирали пенсионеров, стариков на квартплате надували. Ничего святого у вас, уродов, нету... Локти кусаю, что согласилась для тебя куклой служить...

Ирина была моложе Соловьёва лет на пятнадцать, не меньше. Красивая, неглупая, хозяйственная – всё в дом, – но мина замедленного действия в их семейные отношения была заложена с самого начала: я знал, что и этот дом, и накопления Соловьёв переписал на свою дочь от первого брака, у которой к тому же трое детей – внуки соловьёвские.

– Ишь ты! Куклой она служила... – громко хмыкнул Соловьёв. – Я тоже жалею, что на тебе, курве, женился. Если б знал, какая ты... Ещё и на передок слабая... Думаешь, я не знаю, как ты к слесарю своему бегаешь?

Тупую семейную ругань слушать не хотелось, хотя и из неё можно выудить что-то ценное. Но уж больно противно. Я прекратил подслушивать. Осторожно перекрыл вентиляционную задвижку, замкнул тайный канал в чужую жизнь. Везде какие-то вывихи и изгибы. А ведь посмотришь на Соловьёва и Ирину со стороны: вроде радушная пара. Достаток, путешествия за границу, а оказывается...

К Соловьёву я не пошёл. Но скоро он сам, пьяный, с бутылкой виски приплёлся ко мне. Мне было неприятно и

неловко смотреть на него. И жалко в то же время. А ему нужно было выговориться. Я это сразу понял. Он держал в себе тайну, но кто-то сказал: легче на языке держать раскалённые угли, чем тайну... Впрочем, тайна была относительной. Коррупционный скандал, конечно, скоро бы всплыл.

– Меня прижали, пришлось указать на Галковского... Вообще сейчас в городе всю колоду переменяют. Галковский – это только начало.

Я смотрел на него, зная о его разговоре с женой, и мне он казался очень уродливым. Действительно, голова с редкими волосёнками, тонкие губы, дряблая шея... А ведь Ирина его молода, свежа, недурна собой... За деньги явно выскочила. Кто из них подлее? Он, который обворовывал пенсионеров через квитанции из ЖЭКов, или она, которая легла под него, как дворовая девка, и набивала себе цену... Впрочем, у таких, как Соловьёв, разве могут быть честные жёны?!

– Все воры, – заговорил упрямо и агрессивно Соловьёв. – Все, все воры! Каждый тащит на своём месте! Пусть понемногу, но тащит... Все воры! Все, кто имеет доступ к бюджету!

– Меня ты тоже вором считаешь?

– А твои строительные сметы честные? – запальчиво спросил Соловьёв. – Или отчёты в налоговую?

Я хотел было возразить, пуститься в рассуждения о сметах, о том, что советские сметы устарели, а новые, буржуазные, не выстроены правильно. Однако что-то остановило ме-

ня. Если даже я вор, то вор поневоле. Уж тем более бабушек через ЖЭКовские квитанции никогда не обирал... Но всё же Соловьёв прав. Все воровали – каждый на своём месте: в автосервисах, на стройке, в торговле... Везде, как зараза, как микробы, распространялось желание нечестного заработка. Я не знал, что с этим делать. Мне было противно всё это видеть, этот воровской капитализм, но его привили нам сверху, наверху должны были и прервать воровство. Но власть пока была слаба. Я об этом не рассуждал. Я это видел в реальности. И опять же не мог воздействовать на это. Потому и не любил, не хотел трепаться насчёт власти.

– А бабы все суки...

– Не все! – тут же возразил я.

Соловьёв вскинулся на меня, пьяно икнул, согласился:

– Может, не все. Те, кто возле денег, – все... Показали тут этого богача. Олигарха. Долговязый, с маленькой башкой. Понтырщик этот, ещё машину какую-то из пластика хотел сделать. Он стаями молодых девок на курорт возил. Кто эти девки? Шлюхи! Разве нужен был им этот змей? Они на его рожу смотрят, а видят толстую морду на долларе...

Он выпил ещё. Я не пил. Я сразу сказал, что пить не буду, мол, у меня есть ещё дела, придётся садиться за руль. Он и не настаивал, только попросил стакан воды или сока для запивки.

Затем мы услышали, а после увидели, как со стороны его дома уезжает машина. Это его жена Ирина помчалась ку-

да-то на серебристом «лексусе».

– Отчалила, курва... – пробормотал Соловьёв. – Ну и пускай! Так лучше... – Он встал из-за стола. Чуть покачиваясь, пошёл к выходу. – Прощай, Валентин, – сказал он тихо и как-то раскаянно. Вяло махнул рукой.

Мне стало жаль Соловьёва, даже в сердце что-то кольнуло. Его патрона Галковского, которому светила «десяточка» за взяточничество и злоупотребления служебным положением, мне не было жалко – ни тогда, когда он был свободен и нагл, ни сейчас, когда он был в неволе и жалок, – а его пьяного сообщника на свободе стало жалко. Наверное, я знал о нём что-то большее, чем о Галковском. И вообще, когда знаешь о человеке достаточно, его всегда почему-то немного жаль. А может, я просто не встречал цельных, неуязвимых, счастливых людей?! В каждой судьбе была какая-то прореха, боль, которые нельзя было заклеить и залечить деньгами.

Что-то неприятное накатило в душу. Я пожалел, что не выпил с Соловьёвым, может быть, я как-то поддержал бы его. Он ведь, уходя от меня, совсем стух. И почему он вспомнил про этого придурка олигарха, который начал лепить нелепый пластиковый автомобиль? Мне вспомнился американский актёришка, богач из Голливуда, который ездил с молодыми шлюхами по миру. Они все улыбаются, ластятся к нему... Потом прошла информация: он покончил жизнь самоубийством в одном из дорогих отелей. Наверное, был пьян и разочарован, надоели ему все, в том числе смазливые бабы

из окружения, да и сам он себе надоел, похоже, порядком. Поставил точку. Может быть, уходя из жизни, что-то понял, что нельзя так жить, как животное, и что этому должен поскорее прийти конец. Вряд ли кто искренно сожалел, что он покончил с собой, – жалко было денег, которые он мог бы потратить на окружение... Где деньги – там безусловный цинизм. И любви там быть не может. Тут Соловьёв был прав. А его Ирине уж очень нравилась реклама, в которой баба говорила голосом стервы: «Если любишь – докажи!» – и дальше шла картинка: вывеска ювелирного магазина.

...Хлопок был не силён, но отчётливо слышен. Я сразу понял, что это выстрел из пистолета. Я находился в столовой, и, хотя с Соловьёвым нас разделяла капитальная стена, различить одиночный резкий хлопок вполне удалось. Я прибежал в прихожую, переобулся из тапочек в туфли, выскочил на улицу. Но тут же остановился. Какое моё дело? Зачем я буду совать нос в чужую судьбу? А если Соловьёв истекает кровью? Ещё жив пока? Нет, такой грех тоже тащить было бы тяжело. Набрал его номер. Телефон молчал. Я позвонил в полицию. Отделение было рядом. Попросил приехать. «С соседом явно что-то не то... И как будто выстрел...» Полицейские примчались через несколько минут. Так оно и случилось. Соловьёв покончил с собой выстрелом в висок. Смотри-ка, мужик-то какой отчаянный – в висок! Случись бы мне стреляться, подумал я, стрелял бы себе в сердце. В голову

неприятно, пуля мозги наружу вышибет...

Ночью не спалось. Пришлось пить виски, который оставил у меня Соловьёв. Чуть меньше полбутылки. Помянул, почтил его память... Хотя зачем жил этот человек? Он не приносил другим пользы, обирал бедных, жил за чужой счёт. Спросят ли его *там*, зачем он жил? Я сомневаюсь... Кое-как уснул, уже далеко за полночь. В бутылке виски ничего не осталось, зато спал почти до обеда как убитый. Телефон выключил.

Глава 9

Алик Лобастов слыл настоящим уникамом. В НИИ, где он работал в химлаборатории, на него смотрели как на гения, хотя диссертаций он не защищал, научной карьеры не делал, зато трудился самозабвенно и честно, создавая новые уникальные органические волокна. Он имел много рацпредложений, и деньги даже неплохие имел, премии, грамоты, медали, но 1991 год мир Алика Лобастова перевернул. НИИ сдох, вернее – его удушили, по словам всё того же сведущего Алика, «западные доброжелатели и отечественные недоумки» – сотрудники разбежались, осталась лишь экспертная лаборатория, которая примкнула к одному из городских департаментов. Как незаурядного специалиста туда пригласили Алика Лобастова в качестве эксперта. На скромную зарплату. Но и работа была – не бей лежачего...

Я знал Алика в двух ипостасях: как химика и как музыканта. Химиком он, несомненно, был одаренным; музыкантом, трубачом, – так себе: даже простенькие партии из похоронных маршей долго разучивал по нотам, а исполняя их, давал маху... Зато играл увлеченно, пробовал импровизировать, должно быть, представляя себя Луи Амстронгом.

Алик Лобастов ходил с одной и той же командой «жмуровиков» на похороны, где провожал в последний путь со своей музыкой усопших. Не надеясь застать Алика на службе, я

поехал на кладбище, зная, что здесь он каждый день; смерть людская дней недели и времена года не признает. На работе Алик находился, обычно, до обеда. После – как эксперт ездил по каким-то организациям, или делал вид, что ездит. Но кладбищенские «жмуры» не пропускал.

Музыки на кладбище не было. Похороны кончились. Но я знал: Алик Лобастов здесь... Близ кладбища располагалось небольшое кафе, там всегда проводились поминки, и похоронный оркестрик (труба, тромбон, бас и барабан) из четырех музыкантов, одетых скромно, чисто, в темных рубашках и непременно галстуках, это что-то вроде униформы, приходили в кафе, помянуть покойного, которого они недавно сопровождали...

Обслуга кафе музыкантов знала как облупленных и относились к ним очень уважительно: музыканты и впрямь все были из «интеллигентов», образованные, а хозяева поминок, если и забывали пригласить музыкантов на поминальную трапезу, никогда не протестовали против их появления за нехитрым поминальным столом; они мягко и как-то пластично вписывались в любые поминки.

В кафе умещалось два десятка столиков, и музыканты вежливо занимали стол, один из крайних; сидели скромно, тихо скорбели, не спеша выпивали две бутылки водки – обычно столько ставили на стол на четыре персоны. Кушали кутю, потом борщ или щи. Бефстроганов с картошкой, пирожок с компотом и, выпивая водку, поминали добрым сло-

вом того, кто уже выпить не сможет... или ту, которая «ушла, всё прощая и всем прощая...»

Нынче в кафе поминали бабушку, её портрет стоял на центральном столике в чёрной раме и рядом горела свеча.

Я вошёл в кафе, зная, что здесь и разыщу Алика, и услышал речь седовласого подтянутого человека с породистым благородным лицом, который держал поминальное слово; видно, близкий родственник старушки; он и сказал:

– ...Клавдия Филипповна прожила тяжелую трудовую жизнь. Незавидную. Но ушла, всё прощая и всем прощая.

За крайним столом я заметил компанию, это и были музыканты, среди них – Алик Лобастов. Они молча сидели, не очень активно закусывали, один из них разливал аккуратно – всем поровну – по стопкам водку. Я слегка помахал рукой, чтобы привлечь внимание Алика, но ко мне тут же подошла женщина в чёрной газовой косынке на голове и даже без приветствия, тихо, настойчиво сказала:

– Вы пройдите, молодой человек, присядьте. Помяните нашу бабушку Клавдию Филипповну. Очень добрый был человек... Помяните. Окажите уважение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.